

V. Постсоветское пространство

Пол Колсто

За пределами России: Пути адаптации русских бывших советских республик к распаду СССР в 1991-2011 гг.¹

Когда я начал преподавать курс по российскому страноведению в Университете Осло в 1990 году, так называемая новая российская диаспора неожиданно стала горячо обсуждаемой темой — как политической, так и академической повестки дня. До того момента почти никто не обращал внимания на тот факт, что миллионы этнических русских – 25 миллионов, если быть точным – жили в СССР, но за пределами российской республики – РСФСР. Советский Союз, будучи формально федерацией, воспринимался как жестко централизованное государство, а большинство советологов концентрировало свое внимание на политической ситуации в Москве, если не сказать в Кремле. Кроме того, этническая проблематика в целом не считалась политически значимой, и ею интересовалось лишь небольшое количество исследователей. Наконец, если этнический состав СССР и принимался в расчет, большинство наблюдателей считало довольно естественным то, что этнические русские жили по всей стране. СССР функционировал как единый рынок труда, а перемещение людей из одной республики в другую было вполне ожидаемым.

Сложно однозначно ответить на вопрос о том, в какой степени фактор этничности сыграл свою самостоятельную роль в процессе распада СССР. Реформистская политика горбачевской администрации была инициирована сверху – без особенного давления снизу – и преимущественно по *экономическим* причинам. Новые руководители Кремля проницательно заметили, что их страна все больше отстает от наиболее передовых западных держав в экономическом развитии и решили, что для оживления советского общества было необходимо ввести определенную долю политического либерализма. В некоторых республиках возникший снизу диапазон политических инициатив использовался местными политиками в качестве аргумента о необходимости предоставления больших республиканских полномочий. Внепартийные активисты вскоре также воспользовались

---

¹ Английский вариант статьи опубликован в *Journal of Eurasian Studies* (2011. Vol. 2. № 2).

проблемой этничности в качестве средства мобилизации населения против коммунистической системы. В такой стране, как Польша, коммунистическому режиму был брошен вызов со стороны массового народного движения, организованного в форме профсоюза «Солидарность», при поддержке национальной польской католической церкви. В Советском Союзе, напротив, профсоюзы были абсолютно покорными и не могли играть схожую роль организационной структуры оппозиции, а в церкви отсутствовали традиции независимой деятельности. В этой стране единственной потенциальной коллективной идентичностью, которую можно было активизировать в политических целях, была этничность. В отличие от религии, этничность *не* подавлялась в Советском Союзе. Наоборот, этничность повсеместно институализировалась на двух уровнях. Во-первых, на индивидуальном уровне: все советские граждане обязаны были всегда иметь при себе внутренний паспорт, в «пятой графе» которого указывалась их личная, предписываемая этничность, или «национальность». Во-вторых, на коллективном уровне: само государство было гигантской федерацией республик, образованных по этническому принципу². Во время перестройки два этих уровня были одновременно политизированы и сведены в легко воспламеняемую смесь. Новые политические субъекты требовали независимости своих республик на этнической основе: Украина обозначалась как родина этнических украинцев, Латвия – как родина латышей и так далее. Однако, как мы знаем, соотношение между республиканской структурой и этнической картой Советского Союза было далеким от идеала. Не только миллионы этнических русских, но и множество других советских граждан проживало за пределами своих предполагаемых «отечеств». В новом этнизированном политическом климате к таким людям все чаще относились так, словно они буквально находились «не на своем месте».

В то время как эти события разворачивались в Советском Союзе, схожие процессы протекали в Югославии – еще одной коммунистической федерации, для которой были характерны многие черты СССР: этничность в Югославии также была определяющей чертой федерации. Более того, югославские коммунисты позаимствовали этно-федеральную идею у Советского Союза еще в то время, когда Тито и Сталин состояли в хороших отношениях. Что еще более важно, в Югославии – так же, как и в Советском Союзе – значительная часть населения проживала за пределами республик, которые носили название «их» этнических групп. Кроме того, в Югославии географическое рассредоточение самой большой этнической группы, а именно сербов, представляло собой особенно значительную преграду для мирного разделения унитарного государства на этнически обусловленные части. Большие группы сербов проживали за пределами Сербии – в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Черногории, а также в двух этнических регионах, которые были формально частью сербской республики – в Косово и

---

² Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, Or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414-452; Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

Воеводине. Сербское население Хорватии, Боснии и Косова вскоре оказалось вовлечено в безумие этнического насилия: в войнах, охвативших эти республики в 1990-х гг., было убито от 100 до 200 тысяч человек. В этих войнах статус и положение местных сербов были одной из главных причин разногласий.

Побоище в Югославии шокировало весь мир, а эксперты не могли не провести параллели между внутренней сербской диаспорой в Югославии и внутренней русской диаспорой в СССР. Паникеры опасались, что распад Советского Союза может привести к югославскому сценарию в еще большем масштабе. Другой зловещей параллелью был распад французской колониальной империи: Франция не восприняла спокойно упадок империи и наиболее затяжная по времени бойня имела место именно в Алжире – колонии, в которой проживало наибольшее количество французских поселенцев. Другим тревожным примером был опыт эксплуатации диаспоральных вопросов венгерским правительством (в межвоенный период после подписания Трианонского договора) и нацистской Германией в политических играх, приведших ко Второй мировой войне.

Однако, как оказалось, распад Советского Союза повлек за собой необычайно низкий уровень насилия. Он скорее был «схлопыванием», чем взрывом. Конечно, в некоторых республиках было кровопролитие и даже несколько полномасштабных гражданских войн – худшими примерами были конфликты в Таджикистане и между Азербайджаном и Арменией, в каждом из которых погибли десятки тысяч людей. Однако следует признать, что, по сравнению с тем, что происходило в то время в Югославии, масштаб конфликтов при распаде Советского Союза был гораздо меньшим, чем можно было ожидать, и мы должны быть благодарны за это. В то время такой исход ситуации был далеко неочевидным, и он требует объяснений.

Представляется очевидным, что ответ следует искать в ряде нескольких независимых обстоятельств. На уровне национальной политики ключевым различием была та роль, которую играли лидеры двух крупнейших республик – Слободан Милошевич в Сербии и Борис Ельцин в России. Милошевич следовал активно конфронтационному курсу по отношению к другим югославским республикам, в то время как Борис Ельцин стремился к установлению *альянсов* с лидерами республик СССР. Учитывая обстоятельства, поведение российского лидера было абсолютно рациональным: главным политическим противником Ельцина был Михаил Горбачев, президент Советского Союза, и в борьбе с Горбачевым за власть Ельцин сделал умный ход, когда он объединился с нероссийскими лидерами, желавшими лишить Горбачева его главной политической опоры, а именно СССР³. В Югославии, напротив, не было своего Горбачева, с которым Милошевичу нужно было вести борьбу, и вся деструктивная энергия сербского президента была направлена на конфронтацию с не-сербскими.

---

³ Dunlop J.B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, 1993.

А что мы можем сказать о положении внутренней диаспоры господствующей этнической группы в каждой из стран – сербов за пределами Сербии и русских за пределами России? За исключением некоторых случаев, русская диаспора никак не мобилизовалась и оставалась пассивной. Показательно, что наиболее ожесточенные конфликты, произошедшие во время распада Советского Союза, имели место в тех республиках, где жило очень мало русских – в Таджикистане, Армении и Азербайджане – и местные русские не принимали участие в конфликтах. Только в одном случае русские были вовлечены в гражданскую войну – в Молдавии в 1992 году⁴.

Во время перестройки сторонники Советского Союза в некоторых республиках образовали так называемые «Интерфронты» с целью борьбы за сохранение советского унитарного государства. Это было ответной реакцией на создание так называемых «Народных фронтов», которые сначала вели борьбу за культурные права титульных наций, а затем и за политический суверенитет своих республик. Несмотря на то, что отдельные русские симпатизировали «Народным фронтам», а отдельные представители титульных наций поддерживали «Интерфронты», в целом будет правильным сказать, что противостояние между двумя этими движениями настроило русскоговорящих и представителей титульных наций друг против друга. Это была борьба, которую первые полностью проиграли. Их митинги были крайне малочисленными по сравнению с массовыми выступлениями, организованными народными фронтами⁵. Складывалось впечатление, что в республиках единственными сторонниками СССР, выходившими на улицы в знак протеста против волны титульного национализма, были пенсионеры.

Конечно, отдельные местные русские активисты в нероссийских республиках действительно пытались мирно самоорганизоваться в начале 1990-х гг. и создавали русские общины, культурные центры и т.д. Когда я и другие исследователи, интересовавшиеся судьбой диаспоральных русских того периода, ездили в различные республики, мы, естественно, посещали подобные центры, говорили с их руководителями и читали их информационные бюллетени. Иногда эти центры оставляли сильное впечатление своей довольно динамичной и активной работой под руководством ярких и энергичных лидеров. Однако часто это впечатление было обманчивым. Учитывая то, что в республиках проживали несколько сотен тысяч, а то и миллионы русских, горстка активистов не могла значительно повлиять на ситуацию. Как оказалось, в этих центрах было слишком много «вождей», но крайне мало «индейцев». Подавляющее большинство местных русских часто даже не слышали о своих самопровозглашенных представителях, а если и слышали, то оставались равнодушными к их деятельности. Так, например, в своем исследовании русского культурного центра «Лад» в Казахстане Себастьян Пейруз обнаружил, что имперские ориентации самопровозглашенных предста-

⁴ Kolstø P., Edemsky A. et al. The Dniester Conflict – Between Irredentism and Separatism // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. № 6. P. 973-1000.

⁵ Kolstø P. *Russians in the Former Soviet Republics*. L., 1995. P. 113.

вителей русскоязычных почти не находили отклика среди русскоязычного населения Казахстана в целом. «Дискурсивный радикализм ассоциаций, представлявших русских в Казахстане, в реальности обернулся их слабым влиянием на русскоязычное население»⁶.

Это русская умиротворенность является довольно примечательной, так как существовало много убедительных причин, по которым мы могли бы ожидать мобилизации, и я назову несколько из них. Первая причина – это *ресурсный фактор*. Многие исследователи политической мобилизации писали о доступности ресурсов как о критическом факторе коллективных действий. В общих чертах следует сказать, что русские, проживавшие в нероссийских республиках, действительно обладали мощными ресурсами. Их уровень образования в среднем значительно превосходил уровень образования местного коренного населения. Это особенно было справедливо для Молдовы, Средней Азии и славянских республик, но менее актуально для Прибалтики и Закавказья (см. Таблицу 1)⁷.

Таблица 1. Соотношение местных и русских студентов в республиках Союза в 1959-1960 и 1969-1970 гг.⁸

Республика	Национальность	Студентов на 1000 соотечественников	
		1959-1960 гг.	1969-1970 гг.
РСФСР	Русские		20.7
Эстония	Эстонцы	12.4	17.3
	Русские	8.0	14.5
Латвия	Латыши	10.7	14.3
	Русские	9.4	22.6
Литва	Литовцы	11.0	19.0
	Русские	6.8	21.9
Белоруссия	Белорусы	6.1	12.2
	Русские	19.2	36.4
Молдовия	Молдаване	5.1	10.1
	Русские	15.0	19.1
Украина	Украинцы	8.1	15.1
	Русские	17.6	29.3

⁶ Peyrouse S. The «Imperial Minority»: An Interpretive Framework of the Russians in Kazakhstan in the 1990s // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. № 1. P. 105-123 (119).

⁷ Следует отметить, что в этой таблице, возможно, несколько занижаются сведения об образовании русских, так как в ней указываются только студенты, обучавшиеся в республиках. Этнические русские обычно в большей степени стремились получить образование в России – в Москве и Ленинграде.

⁸ Karklins R. Ethnic Politics and Access to Higher Education: The Soviet Case // Comparative Politics. 1984. Vol. 16. P. 277-294 (284).

Грузия	Грузины	16.6	23.6
	Русские	13.2	14.6
Азербайджан	Азербайджанцы	10.2	20.8
	Русские	10.6	23.7
Туркменистан	Туркмены	7.9	13.4
	Русские	14.9	19.9
Таджикистан	Таджики	9.0	13.6
	Русские	17.8	26.7
Узбекистан	Узбеки	9.5	17.2
	Русские	24.0	29.7
Киргизия	Киргизы	9.8	17.8
	Русские	10.2	19.8
Казахстан	Казахи	11.2	18.9
	Русские	8.6	15.4

Этнические русские в республиках были в значительной степени урбанизированной группой и концентрировались преимущественно в столицах и других крупных городах. Они чаще всего занимались работой «белых воротничков» и в целом принадлежали к общественному слою, который можно в широком смысле назвать «интеллигенцией», в первую очередь – технической⁹. Доля русскоязычных, работавших в республиках на престижных и влиятельных должностях, была, очевидно, выше, чем в РСФСР, что говорит о частом совпадении географической и социальной мобильности (см. Таблицу 2). Это явление наблюдается и в других диаспоральных группах¹⁰.

Таблица 2. Профессиональная специализация этнических русских в нероссийских республиках в 1989 году, %¹¹.

Республика	Интеллектуальная работа	Физическая работа за исключением сельского хозяйства			Сельское хозяйство				
		1	2	1	2	1	2		
Эстония	34.5	-7	-4	63.4	+18	+9	2.1	-78	-66
Латвия	37.8	+12	+5	57.9	+7	0	4.3	-64	-31
Литва	40.9	+22	+14	56.3	+1	-3	2.8	-75	-55
Белоруссия	47.9	+64	+33	48.6	-16	-16	3.5	-73	-44

⁹ См. главу 5 в Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, 1994.

¹⁰ Chua A. World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability. New York, 2003; Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. Seattle, 1997.

¹¹ Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. и авт. программы Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 93-94.

Молдавия	44.4	+128	+24	51.7	-4	-11	3.9	-85	-37
Украина	38.6	+31	+8	57.3	0	-1	4.1	-70	-34
Грузия	44.5	+15	+24	51.7	+26	+11	3.8	-81	-39
Азербайджан	45.5	+61	+27	52.1	+5	-10	2.4	-89	-61
Армения	53.9	+47	+50	43.1	-23	-26	3.0	-66	-52
Туркменистан	50.0	+60	+39	48.6	+72	-16	1.4	-93	-77
Таджикистан	47.8	+132	+33	50.2	+22	-13	2.0	-95	-68
Узбекистан	47.8	+94	+33	51.0	+16	-12	4.4	-72	-29
Киргизия	38.7	+43	+8	56.9	+17	-2	4.4	-72	-29
Казахстан	35.6	+10	-1	58.8	+26	+2	5.6	-73	-10

1 = Разница с представителями титульных наций, %.

2 = Разница с русскими в России, %.

Как недавно показала Мишель Коммерсио, другим важным ресурсом является доступ к неформальным коллективным сетям¹². Однако этот фактор в неравной степени проявлялся в различных диаспоральных русских сообществах, что, как полагает Коммерсио, может объяснить, почему русские в одних республиках были способны на бóльшую политическую мобилизацию, чем в других. В данном случае она сравнивала Латвию и Киргизию и обнаружила, что в первом случае русские имели доступ к более компактным и мощным коллективным сетям, чем во втором случае. Доступ к власти в Средней Азии достигался через тесные родственные связи, из которых европейцы были исключены. В советской системе эти традиционные связи не были подорваны, а, напротив, во многих местах они цвели и процветали. Брежневский режим в целом принимал то, что политическая власть в азиатских республиках концентрировалась в руках представителей титульной национальности при условии, что они не бросали вызов центральным властным структурам в Москве.

Далее, на фоне *недовольства*, которое испытывали диаспоральные русские, мы могли ожидать мобилизацию в защиту их прав. Отправной точкой многих теорий этнических конфликтов является то, что люди начинают бунтовать, когда они чувствуют обиду¹³. Даже если учесть ряд важных различий между республиками, представляется справедливым сказать, что у русских во многих случаях было достаточно оснований чувствовать себя дискриминированными. В Эстонии и Латвии им было отказано в получении первичного гражданства, которое было предоставлено титульному населению. Они должны были подавать документы на получение гражданства вместе с недавними мигрантами и соответствовать относительно строгим критериям относительно проживания, знания государственного языка и т.д. Более того, в некоторых государствах, где русские все-таки

¹² Commercio M.E. Russian Minority Politics in Post-Soviet Latvia and Kyrgyzstan: The Transformative Power of Informal Networks. Philadelphia, 2010.

¹³ См., например, Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993. P. 61-88.

обладают избирательными правами, им не гарантируется автоматическое представительство соразмерно их доли в составе всего населения. После обретения независимости титульная нация в значительной степени монополизировала политические позиции.

Во многих новых государствах, особенно в Закавказье и Средней Азии, русских постепенно вытеснили с их высоких административных, технических и иных должностей, охватывающих сферу занятости «белых воротничков». Русских возмущал данный тип дискриминации, по-видимому, еще в большей степени, чем политическая маргинализация, так как он ударил по самому больному месту – по профессиональному потенциалу, уровню доходов и стандарту жизни. Кроме того, в Прибалтике «местные» постепенно монополизировали целые секторы рынка труда, особенно должности в государственном аппарате¹⁴.

Идентичность как фактор мобилизации

В своей книге *Этнический конфликт в мировой политике* Тед Гурр и Барбара Харфф пишут, что групповая дискриминация является одним из главных детонаторов этнической мобилизации. Однако, по их мнению, дискриминация не всегда является достаточным фактором; чтобы повлечь за собой коллективные действия, она должна сочетаться с групповой сплоченностью. Авторы полагают, что дискриминация ведет к возмущению и гневу, но не обязательно – к мобилизации. Если дискриминируемой группе в значительной степени свойственна общая этническая идентичность, вероятность того, что их реакция примет форму коллективного действия повышается. И наоборот, если групповая сплоченность отсутствует, вероятность мобилизации существенно снижается¹⁵. Это ведет нас к ключевому вопросу об *идентичности*. Существуют веские основания предположить, что эта переменная является важным фактором, способным объяснить низкий уровень коллективных действий русских в нероссийских республиках.

Представляется, что русские в Советском Союзе, а ранее – в царской империи – обладали довольно слабым чувством этнической идентичности. Это не означает, что им вообще не была свойственна никакая идентичность. Несомненно, русский национализм остается явлением, как прошлого, так и настоящего. Однако исторически этот национализм не сосредотачивался на этничности или культуре. Конечно, этнокультурный русский национализм существовал и существует – Александра Солженицына можно считать важным представителем данного направления – но он не был господствующим. Гораздо более распространенным был державнический национализм. Среди русских националистов типичным от-

¹⁴ Kolstø P. Nationalism, Ethnic Conflict, and Job Competition: Non-Russian Collective Action in the USSR under Perestroika // Nations and Nationalism. 2008. Vol. 14. № 1. P. 151-169.

¹⁵ Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, 1994.

ношением была и остается гордость за огромное государство, которое было создано на широтах Евразийского континента и гражданами которого они являлись. Тот факт, что такое государство является многоэтническим, их не беспокоил, наоборот, это казалось естественным¹⁶.

Из этого можно сделать несколько важных выводов. Во время перестройки было возможно мобилизовать русских в поддержку находящегося под угрозой унитарного советского государства в рамках интерфронтов – даже если эти движения и были – как мы показали выше – гораздо менее значительными и активными, чем движения в поддержку центробежного нерусского национализма. Обратной стороной этой мощной ориентации коллективной русской идентичности на государство и территорию является то, что русское этническое самосознание оставалось в целом слабым. Как и у остальных советских граждан, «национальность» этнических русских была указана в паспорте и других документах, удостоверяющих личность, однако это не способствовало установлению столь же крепкой коллективной привязанности, как в других группах. Чтобы объяснить данное явление Роджерс Брубейкер приводит параллель с США. Хотя в США этничность является важным маркером идентичности, его значимость не является равной для всех групп. Белый цвет кожи в определенном смысле означает отсутствие признаков, отсутствие «этничности» как таковой. То же самое было в случае русских в СССР. Как пишет Брубейкер, «русскость была нулевой величиной, нетематизированным фоновым условием»¹⁷. Есть веские основания считать «русскость» в Советском Союзе скорее категорией, чем группой, если под «группой» мы подразумеваем сплоченность, солидарность и чувство общей идентичности.

Тем не менее, Брубейкер полагает, что русские, проживавшие в республиках, более осознанно относились к своей национальности, чем русские в РСФСР. По его мнению, это было реакцией на растущую самоуверенность со стороны представителей титульных национальностей¹⁸. Но даже если многие русские в республиках действительно остро чувствовали свое отличие от местного населения, это не означает, что они обязательно идентифицировали себя со всей русской нацией как коллективом. Во время моих поездок по нероссийским республикам в 1990-х гг. мне часто представлялся шанс обсудить вопросы идентичности с русскими активистами и лидерами общин. Когда я спрашивал их о том, считают ли они, что местные русские каким-либо образом отличались от русских в Российской Федерации, я был поражен единообразием их ответов. Почти без исключений они говорили, что, «конечно», они отличались, в этом не может быть никаких сомнений. Из их ответов также было ясно, что они обладали чрезвычайно

¹⁶ Szporluk R. Dilemmas of Russian Nationalism // Problems of Communism. 1989. Vol. 38. № 4. P. 15-35; Hosking G.A. Russia: People and Empire, 1552-1917. Cambridge, 1997.

¹⁷ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 49.

¹⁸ Ibid.

позитивным самовосприятием при сравнении себя с русскими из центра. Качества, которые они приписывали русским в своих республиках, были в целом лучше, чем те, которые характеризовали русских вообще. Они полагали, что им свойственны более высокие личные стандарты, что они были более сознательными и трудолюбивыми, меньше выпивали и имели более стабильные семьи¹⁹. Когда я спрашивал их о причинах подобного положения вещей, они часто указывали на благотворное влияние местного населения, среди которого они жили. Так, например, русские в Эстонии говорили о том, что они были высоко дисциплинированными и трудолюбивыми, потому что они были вдохновлены протестантской трудовой этикой эстонцев. С другой стороны, русские в Эстонии *не* говорили о том, что они были особенно верными супругами, а уровень разводов среди них был таким же высоким, как и у эстонцев. В Средней Азии, напротив, местные русские испытывали бóльшую гордость по поводу своей супружеской верности и меньше хвастались относительно сознательности на работе: по-видимому, на таком поведении сказались традиционные ценности местных мусульманских общин.

Российская исследовательница Надежда Лебедева получила схожие ответы от членов русской диаспоры, которых она интервьюировала в 1994-1995 гг.²⁰ Лебедева также обнаружила, что, по мнению русских в Казахстане, титульная нация переняла определенное количество обычаев и нравов русских, причем не только положительных. Казахские русские зачастую полагали, что на этнических казахов повлиял русский образ жизни и что они переняли такие черты характера, как более низкие моральные стандарты, бюрократизм, разгильдяйство, хамство и привычку сильно выпивать²¹.

Конечно, мы здесь говорим о стереотипах, но, как гласит так называемая теорема Томаса, «если люди определяют ситуацию как реальную, она – реальна по своим последствиям». И скептическое отношение диаспоральных русских к русским в центре было в значительной степени взаимным. Русские, переезжавшие из республик в Россию, часто сообщали о том, что их встречали совсем нерадушно. Один лидер местной организации «Славянская диаспора» в южном Киргизстане жаловался в 1993 году: «чаще всего приехавших, казалось бы, на свою родину, там считают чужими»²².

Нам, однако, следует избегать дихотомического описания русской этнической группы как состоящей только из двух частей – центральной и периферийной – словно каждая из этих двух частей характеризуется высокой степенью внутренней сплоченности. Это не так. Во время моих дискуссий с русскими активистами

¹⁹ Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan / Ed. P. Kolstø. Boulder, 1999; National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova / Ed. P. Kolstø. Lanham, 2002.

²⁰ Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995. С. 45-7, 190, 220 и в др. местах.

²¹ Там же. С. 43.

²² Улеев В. «Славянская диаспора...» // Res Publica. 1993. 15 мая. Р. 3.

в нероссийских республиках я был поражен отсутствием у них знаний и даже интереса в отношении положения соотечественников в других республиках. Их системой ориентиров была страна, в которой они проживали. Это было справедливо как для тех, кто пытался адаптироваться, так и для тех активистов, которые горько жаловались на дискриминацию и чувствовали себя глубоко отчужденными от политического режима в стране их проживания. Жизнь в соседних государствах, по всей видимости, была буквально чужой для них. Российский эксперт по русской диаспоре, Игорь Зевелев, отметил: «Характерна также слабая мобилизованность и разобщенность русских диаспор. Заметных горизонтальных связей между ними почти нет. Они различаются по размерам, образу жизни и степени интеграции в местное общество. У них нет ни общего противника, ни единого видения своего будущего»²³.

Важная разделительная линия внутри русских диаспоральных общин проходит между старожилами и новоприбывшими. С одной стороны есть русские, которые родились в республиках – а в некоторых случаях в республиках родились даже их родители – а есть такие, кто прибыл в республики уже в зрелом возрасте для учебы, службы в армии или – в большинстве случаев – работы. Новоприбывшие были во многих случаях менее интегрированными в местную культуру и общество. Явным признаком этого было отсутствие знания местного языка. Немного русских знало титульный язык, но те, кто прожил в той или иной республике всю или большую часть своей жизни, могли объясниться в магазинах или на базаре. Это было гораздо менее распространено среди недавних мигрантов. Те русские, которые не изучали местный язык, не оказывались в русскоязычных гетто, так как они всегда могли ожидать, что их поймут, если они будут говорить по-русски. Тем не менее, они отрезали себя от местной культуры, чего более приспособляемые русские не делали.

После распада Советского Союза – новые траектории

Я полагаю, что размытая и неопределенная групповая идентичность этнических русских в Советском Союзе была одним из наиболее важных факторов, способствовавших мирному исходу процессов, приведших к распаду унитарного государства. В своем исследовании *Русские за пределами России* Нил Мелвин пришел к заключению, что «даже в конце 1980-х гг. русские оставались этнически неконсолидированными»²⁴. Если это было верным описанием ситуации до и во время перестройки, то изменилась ли ситуация с тех пор? Точнее говоря, адаптируются ли русские психически и социально к новым политическим реалиям, или

²³ Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. С. 6.

²⁴ Melvin N. Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. L., 1995. P. 125.

же мы можем наблюдать возвращение ностальгии по старому доброму прошлому под властью коммунистического режима – тому периоду, когда национализирующая политика новых государств еще не началась?

В статье, опубликованной в журнале *Ethnic and Racial Studies* (Этнические и расовые исследования), я разработал типологию возможных траекторий идентичности русских в бывших советских республиках, см. Таблицу 3. Представляется интересным вновь вернуться к этой статье и посмотреть, можем ли мы сейчас дать более конкретные ответы.

Таблица 3. Возможные типы идентичности русской диаспоры²⁵.

	Культурное самовосприятие		
Политическая лояльность	А Внешняя родина	В Новое	С Национализирующая страна проживания
1. Исторические границы (воссоздание СССР)	Традиционное Советское	Новые казаки (программа-максимум)	
2. Внешняя родина (Россия)	Ирредентизм	Новые казаки (программа-минимум)	
3. Новое собственное государство		Днестровский синдром	
4. Национализирующая страна проживания	Интеграция национального меньшинства	Новая интеграция Диаспора	Ассимиляция

Как видно из Таблицы 3, в этой матрице я оперировал четырьмя возможными видами политической лояльности по вертикальной оси и тремя культурными идентичностями или типами самовосприятия по горизонтальной оси. Некоторые ячейки оставались пустыми, так как они представляют собой крайне маловероятные или даже внутренне противоречивые результаты. Так, например, если человек культурно ассимилируется в ту или иную национализирующую страну, то ему или ей вряд ли будет свойственна политическая лояльность внешней родине – России.

Давайте рассмотрим различные варианты идентичности, начиная с верхней части политической оси.

²⁵ Kolstø P. The New Russian Diaspora – An Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republic // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. № 3. P. 609-639.

1. Продолжающаяся преданность бывшему Советскому Союзу, вне всяких сомнений, оставалась свойственной многим русским в первые годы после распада унитарного государства, как в диаспоре, так и среди жителей России. Проявление этой позиции можно обнаружить, например, в постановлении Государственной Думы от 15 марта 1996 года, которое денонсировало распад Советского Союза и которое было поддержано 250 голосами против 98²⁶. Однако эта привязанность со временем обречена на ослабление. За последние 20 лет выросло целое новое поколение, которое не имеет личных воспоминаний о советском государстве. Большинство людей осознают, что восстановление этого государства является полностью проигрышным делом. В 1998 году Наталья Космарская обнаружила, что 25-30% русских в Киргизстане по-прежнему идентифицировали себя с «советским народом» как с сообществом, к которому они принадлежат²⁷. Некоторым эти цифры покажутся большими, другим – незначительными, но главным выводом Космарской является то, что ностальгия по Советскому Союзу не оказывает на поведение людей такого влияния, как альтернативные варианты: ностальгия является исключительно эмоциональным фоновым фактором. Когда людям приходится делать выбор, то выясняется, что реально существующие альтернативы имеют некое онтологическое превосходство над гипотетическими альтернативами.

2. В отличие от СССР, Российская Федерация действительно существует, а политическая преданность России является реальной альтернативой для русской диаспоры. Несколько факторов позволяют России иметь значительно влияние на русских в других постсоветских республиках. Прежде всего, российские средства массовой информации по-прежнему занимают сильные позиции в бывших советских государствах. Популярные российские газеты вроде *Комсомольской правды* и *Аргументов и фактов* можно купить практически на всем постсоветском пространстве. Эти газеты редактируются в Москве, но печатаются в республиканских столицах. Как и было до распада СССР, в газеты включается несколько страниц, которые редактируются местными журналистами и на которых уделяется внимание проблемам тех стран, в которых газеты продаются. В любом случае, они представляют собой важный источник информации о «внешней родине».

Телевидение является еще более важным, чем печатные издания. Для большинства людей в большинстве стран телевидение является главным источником информации и развлечения, и бывшие советские республики не являются исключением. Вероятно, большинство русских в новых государствах знают о российской политике столько же, сколько и о политике в стране проживания, если не больше. Кроме того, просмотр российских «мыльных опер», реалити-шоу и ток-

---

²⁶ Kolstø P. Political Construction Sites: Nation-Building in Russia and the Post-Soviet States. Boulder, 2000. P. 204.

²⁷ Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М., 2006. С. 377-378.

шоу делает их в каком-то смысле частью российского виртуального пространства. Как подчеркивал Майкл Биллиг, лексикон и образы, используемые в средствах массовой информации, оказывают сильное влияние на наши идеи о том, кем мы являемся²⁸. Когда ведущий вечерних новостей говорит «здесь» или «у нас есть», зрителям не нужно уточнять где находится «здесь» и кем являются «мы»: это «в нашей стране» и это «наша нация». В этом смысле аудитория российского телевидения в новых государствах в определенной степени бессознательно втягивается в российско-центрическую вселенную.

Существуют, конечно, четкие пределы этого механизма идентификации. Когда метеоролог в российской новостной передаче стоит напротив карты России и говорит, что завтра у «нас» будет хорошая погода, русские в Молдове или Казахстане знают, что город, в котором *они* живут, на карте отсутствует. Они *не* включены в большое «мы», в котором метеоролог предлагает участвовать аудитории. Поэтому описанные Биллигом психологические процессы могут потенциально стать причиной отчуждения в диаспоральной ситуации. Это всего лишь гипотеза, которую, мы надеемся, кто-нибудь когда-нибудь проверит эмпирическим путем.

Важным фактором, ослабляющим российский выбор для русских в нероссийских республиках, является диаспоральная политика в Российской Федерации. Это утверждение может показаться неожиданным, так как в общепринятом представлении Россия довольно агрессивно защищает русских в бывших советских республиках, особенно в Эстонии и Латвии. Это, конечно, верно: Россия действительно настаивает на том, что у нее есть право и обязанности выступать в качестве защитника всех русских, проживающих в «ближнем зарубежье». В официальном российском языке эти люди называются «соотечественниками», даже если они, строго говоря, и не имеют общую с русскими в России «родину», за исключением тех случаев, когда они принимают российское гражданство. Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» был принят в 1999 году и – с некоторыми поправками – остается в силе²⁹. Этот закон громогласно заявляет: «соотечественники, проживающие за рубежом, вправе полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав». Например, диаспоральные группы могут ожидать получения дипломатической поддержке при нарушении их прав, а также финансовую поддержку культурных и образовательных институтов и учреждений.

В 1995 году Нил Мелвин писал о том, что, отчасти благодаря усилиям политиков и активистов в России, «значительная часть сообществ русскоязычных переселенцев начала впервые ощущать себя членами русской нации и думать о Российской Федерации как о своей родине»³⁰. Однако большинство наблюдателей

²⁸ Billig M. Banal nationalism. L., 1995.

²⁹ Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». <http://rs.gov.ru/node/658>. Последнее посещение 14 июня 2013.

³⁰ Melvin N. Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. L., 1995. P. 127.

по-другому интерпретируют влияние российской политики относительно диаспоры. Российское бряцание оружием в отношении тех бывших советских республик, которые дискриминируют местных русских, не повлекло за собой каких-либо агрессивных действий. Относительно недавний анализ российской внешней политики показывает, что «российская диаспоральная политика по-прежнему носит крайне неопределенный характер»³¹. Мишель Коммерсио утверждает, что «Россия периодически поднимает шум по поводу отношения к своим соотечественникам в "ближнем зарубежье", но сделала крайне мало, чтобы облегчить их участь»³². Средства, предназначенные для поддержки диаспоры, зачастую были мизерными. В 1990-х гг. это, наверное, можно было объяснить плачевной финансовой ситуацией в России, но, несмотря на принятие особых программ поддержки диаспоры в 2006 и 2007 гг., при Путине и Медведеве эта политика была продолжена. По мнению Игоря Зевелева, причиной этого было то, что «Москва всегда рассматривала защиту прав и интересов русских и русскоязычных меньшинств не как цель, а как инструмент для обеспечения лидерства на территории бывшего СССР»³³. В тех случаях, когда защита диаспоры противоречила другим, более важным целям, диаспору приносили в жертву на алтарь Realpolitik.

3. Теперь мы можем обратиться к иной политической альтернативе, а именно к созданию нового, преимущественно русского государства за пределами России, наподобие двух сербских квази-государств в бывшей Югославии – Республики Сербской в Боснии и Республики Сербская Краина в Хорватии. В бывшем СССР данный сценарий был реализован только в одном случае – в Приднестровской Молдавской Республике. Обстоятельства, приведшие к образованию этого де-факто государства, были во многом уникальными и невозпроизводимыми в других местах. Решающим фактором, благодаря которому это стало возможным, было присутствие на левом берегу Днестра 14-ой Советской Армии, которая в 1992 году активно вмешалась в гражданскую войну в Молдове на стороне сепаратистов³⁴.

Конечно, можно спорить о том, действительно ли приднестровские лидеры хотят иметь свое государство или же они предпочли бы присоединиться к Российской Федерации в качестве анклава наподобие калининградской области. Похоже, что приднестровские элиты разделены, но в статье, которую я написал в соавторстве в 1998 году, мы утверждали, что местному населению на самом деле

---

³¹ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М., 2009. С. 233. (Напоминаем, что это статья была написана в 2011 г. – прим. Ред.).

³² Commercio. Russian Minority Politics. P. 19.

³³ Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 1. С. 33-45.

³⁴ Kolstø, Edemsky. The Dniester Conflict.

свойственно сильное ощущение особой приднестровской идентичности, которая питает идею отдельного государственного проекта вне России³⁵.

4. Наконец, мы подходим к четвертому и последнему политическому варианту, открытому для русской диаспоры, а именно к лояльности тому государству, в котором они живут, национализирующей стране проживания. Когда я разрабатывал свою типологию в 1996 году, я считал это наиболее вероятным вариантом, и сейчас, 15 лет спустя, я придерживаюсь того же мнения³⁶. Прежде чем перейти к дискуссии о том, с каким из трех типов культурной самоидентификации будет вероятнее всего сочетаться данный политический вариант, я объясню, почему я полагаю, что рост политической локализации является доминирующей тенденцией.

1. Мой первый аргумент соотносится с внезапным коллапсом транспортного сообщения между бывшими советскими республиками после перестройки. В Советском Союзе путешествия на далекое расстояние были необычайно дешевыми. Ограничивающим фактором были не столько цены, сколько доступ к хорошим билетам, которые можно было приобрести через работу, «по благу» или другими способами. В большинстве случаев, когда люди хотели навестить друзей или родственников в другой республике, они находили возможность сделать это. И у многих действительно были родственники в других республиках. Было привычным делом родиться в Казахстане, где по-прежнему жили родители, затем переехать в Эстонию в поисках работы и при этом иметь дедушку и бабушку в Таджикистане, братьев и сестер в Украине, а тетю и дядю в Молдове. Пока существовал Советский Союз, это были места, куда люди ездили, возможно, раз в два-три года, но после перестройки они внезапно оказались вне доступа. В некоторых случаях проблемой было получение виз или бюрократическая волокита, но важнее всего было то, что люди уже не могли позволить себе такие поездки. Цены на авиабилеты неконтролируемо взлетели вверх, а зарплаты остались прежними, поэтому деньги приходилось тратить на элементарные жизненные потребности. Гораздо в большей степени, чем прежде, диаспоральные русские в буквальном смысле застряли в своих местах проживания.

Другим важным фактором локализации русских диаспоральных сообществ была эмиграция. Те русские, которые проживали в бывших советских республиках и ездили в Россию после распада Советского Союза, часто покупали билет в один конец. Уровень эмиграции русских из нероссийских республик был не та-

---

³⁵ Kolstø P., Malgin A. The Transnistrian Republic: A Case of Politicized Regionalism // *Nationalities Papers*. 1998. Vol. 26. № 1. P. 103-128.

³⁶ В 1995 и 1996 гг. Эдвин Попп и Лук Хагендоорн провели масштабные опросы общественного мнения в пяти постсоветских республиках о «типах идентификации русских в "ближнем зарубежье"». По их мнению, достигнутые результаты «были схожими с теми, к которым пришел Колсто в своей модели "идентичность-траектория"». Poppe E., Hagendoorn L. Types of Identification among Russians in the «Near Abroad» // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 1. P. 57-71 (69).

ким высоким, как ожидали отдельные наблюдатели³⁷, но, тем не менее, он был довольно значительным – в общей сложности эмигрировало около 3-4 миллионов. Важно отметить, что миграционные оттоки были неравными: чрезвычайно массовыми из одних республик и менее масштабными из других. Самые высокие цифры относились к закавказским республикам, в которых русское население было немногочисленным уже в 1980-х гг. (эмигрировало 40-70%). При этом из Средней Азии эмигрировала примерно четверть русскоязычного населения, из прибалтийских республик – 10-15%, но только 1-3% – из двух славянских республик – Украины и Беларуси, см. Таблицы 4 и 5.

Таблица 4. Баланс миграции этнических русских в новое ближнее зарубежье по республикам, 1990-1996 (в тысячах человек)³⁸.

Республика	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Эстония	2.8	3.6	18.7	10.6	8.2	6.2	4.1
Латвия	3.5	5.2	19.7	19.4	19.3	10.7	5.9
Литва	5.1	4.5	10.2	13.4	5.4	2.2	8.4
Беларусь	5.6	- 2.0	-4.6	1.2	13.3	9.2	3.4
Молдова	3.0	4.9	11.5	3.7	7.0	7.8	7.3
Украина	-4.9	-24.7	-12.3	38.5	101.0	64.8	61.7
Армения	3.6	3.3	5.6	6.4	4.6	2.4	1.6
Грузия	42.9	17.6	35.1	22.9	19.0	14.2	9.1
Азербайджан	9.5	18.0	29.6	33.8	24.2	15.7	12.3
Казахстан	36.3	25.6	82.4	104.4	234.3	143.7	98.2
Киргизстан	16.1	15.5	41.4	66.4	42.9	13.4	7.3
Таджикистан	31.7	14.4	47.1	40.9	25.8	22.3	15.1
Туркменистан	4.4	4.7	10.9	6.7	13.0	12.2	14.0
Узбекистан	40.2	27.9	65.2	50.7	93.5	64.2	23.0
Всего	199.8	118.5	360.5	419.0	611.5	389.0	271.4

³⁷ Например, Dunlop J.B. Will the Russians Return from the Near Abroad // Post-Soviet Geography. 1994. Vol. 35. № 4, P. 204-215.

³⁸ Kolstø P. Russian Diaspora // Immigration and Asylum from 1900 to the Present / Ed. M.J. Gibney, R. Hansen. Santa Barbara, 2005. P. 531-537 (537).

Таблица 5. Баланс миграции этнических русских в новое ближнее зарубежье по республикам, 1997-2000 (в тысячах человек)³⁹.

Республика	1997	1998	1999	2000	Всего в 1990-2000-х гг.	Процент от количество населения в 1989 году в республике
Эстония	2.2	1.0	0.2	0.3	57.9	12.1
Латвия	4.0	2.4	1.1	1.0	92.2	10.1
Литва	0.5	0.5	0.2	0.4	50.8	14.8
Беларусь	0.4	-2.2	-3.7	-1.6	19	1.4
Молдова	4.2	3.1	2.5	4.7	59.7	10.6
Украина	46.7	35.2	13.9	20.9	340.8	3.0
Армения	1.0	0.8	0.5	0.6	30.4	70.9
Грузия	5.5	4.4	3.2	2.9	176.8	51.5
Азербайджан	7.6	4.4	2.2	1.8	159.1	40.6
Казахстан	150.5	130.5	79.2	76.7	1161.8	18.7
Киргизстан	4.8	3.2	4.4	9.8	225.2	24.6
Таджикистан	9.8	7.4	4.2	3.6	222.3	57.3
Туркменистан	9.8	5.8	4.4	4.0	89.9	26.9
Узбекистан	19.7	23.0	22.7	22.7	452.8	27.4
Всего	266.7	219.5	135.0	147.8	3134.8	

(Эти цифры охватывают только 1990-2000-е гг., но именно в этот период произошла самая интенсивная эмиграция. Как видно выше, эмиграция пошла на спад в конце 1990-х гг.)

Здесь меня больше всего интересует не сама миграция, а то, как эмиграция повлияла на положение тех, кто остался в республиках. Важными представляются две тенденции. Первая заключается в том, что те, кто приехали позже всех, оказались, как правило, теми, кто уехали первыми. Они не «пустили корни» в местном окружении и зачастую имели более крепкие узы с друзьями и семьей, а также рабочие связи, на которые можно было положиться «на родине». И для них выражение «на родине» действительно имело смысл. В итоге те, кто остался, обычно были теми людьми, кто уже хорошо интегрировался в новую страну и желал принять новые культурные и политические реалии.

Кроме того, репатриантами, как правило, были те, кто мог найти новую работу в другом месте. Это было проще всего для квалифицированных работников, чем для чернорабочих. В результате изменилась социальная структура русской диаспоры – если раньше она была насыщена чиновниками высшего уровня и включала в себя значительную часть интеллигенции, то теперь она стала скорее про-

³⁹ Ibid.

летарской. В некотором смысле эта тенденция противоречит той, которую я обозначил выше, так как русские работники физического труда обладали меньшими способностями и/или меньшим желанием изучать местный язык и культуру, чем русские с высшим образованием.

В общих чертах, существует ряд обстоятельств, которые заставляют диаспоральных русских учить местный язык и приобретать базовые знания о стране и обществе, в котором они живут. С уменьшением их количества, они уже не могут сохранять замкнутые сообщества за рамками титульного окружения в той же степени, как раньше. В отдельных странах им также будет закрыт доступ ко многим работам, если они не продемонстрируют желание интегрироваться. Молодые люди, которые прожили большую часть своей жизни – или даже всю жизнь – в таких странах, будут задавать тон интеграции и, возможно, потянут за собой своих родителей.

В 1996-1998 гг. я руководил исследовательской группой, которая изучала этническую интеграцию в двух постсоветских странах – Латвии и Казахстане. В этой связи мы провели два масштабных опроса общественного мнения, в которых мы, в частности, спрашивали: «Какую страну вы считаете своей родиной?». Как в Латвии, так и в Казахстане страна проживания была самым популярным вариантом ответа, на втором месте был «СССР», а вариант «Россия» избрали лишь 11-13% опрошенных, см. Таблицы 6 и 7.

Таблица 6. Какую страну вы считаете своей родиной? Этнический расклад. Казахстан⁴⁰.

	Казахи	Русские
Казахстан	73.1	39.9
СССР	13.3	35.7
Казахская ССР	12.2	9.5
Россия	1.1	13.0
Другая	0.3	0.2
Никакая	-	1.5
Не знаю	-	0.2
Абсолютное число	376	409

⁴⁰ Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan / Ed. P. Kolstø. Boulder, 1999. P. 239.

Таблица 7. Какую страну вы считаете своей родиной? Этнический расклад. Латвия⁴¹.

	Латыши	Русские
Латвия	88.7	41.1
СССР	0.5	17.8
Латвийская ССР	7.1	21.5
Россия	0.2	11.4
Другая	1.1	1.0
Никакая	0.4	2.4
Не знаю	2.0	4.7
Абсолютное число	550	297

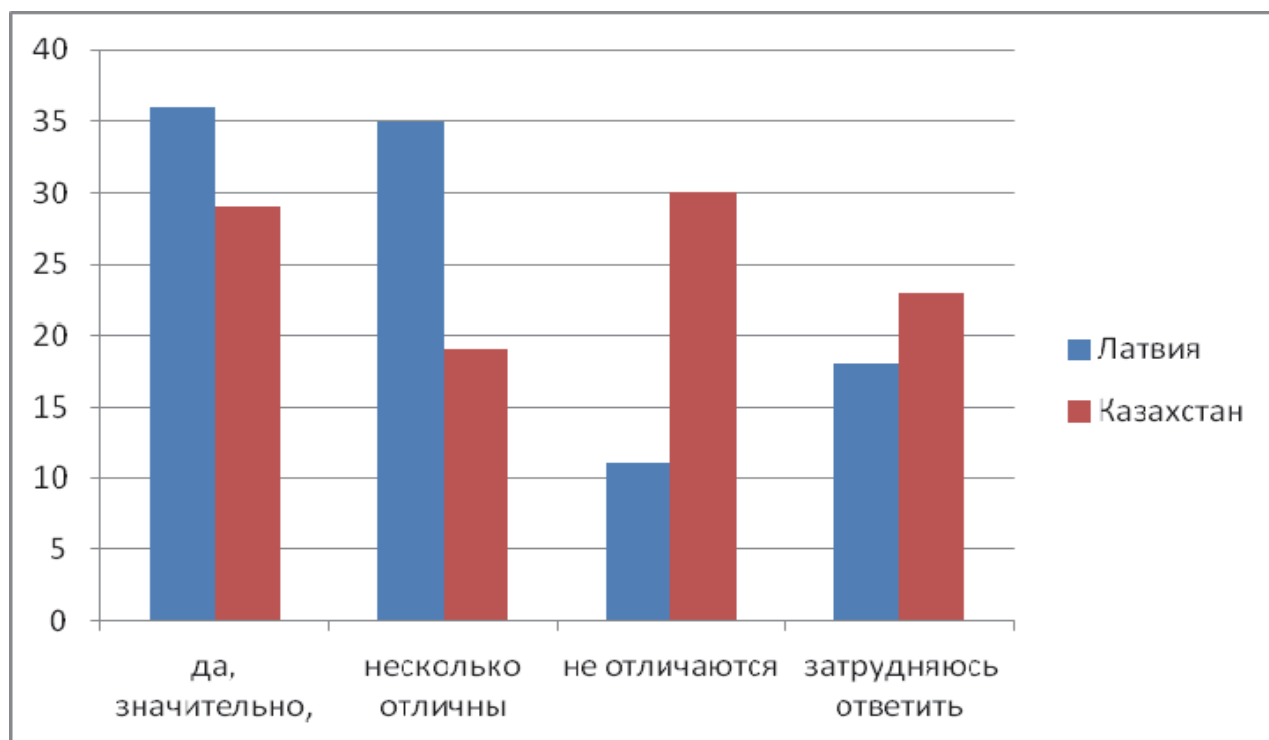
Если мы можем сделать вывод, что местные русские будут постепенно становиться лояльными – в территориальных и политических терминах – своей стране проживания, мы можем перейти к дискуссии о том, как будет развиваться их культурное самовосприятие. Сохранят ли они «русскую» культурную идентичность, и если да, то что это означает в действительности? Будут ли они такими же «русскими», как русские где-либо еще, или же они образуют свою собственную идентичность? Как я показывал выше, уже в советский период русские за пределами российской республики имели тенденцию делать различие между собой и русскими из центра. Нет никаких оснований полагать, что после распада унитарного государства эта тенденция прекратится или развернется в обратном направлении. Как отмечала Наталья Космарская, одна из наиболее проницательных исследователей русской диаспоры, тот факт, что русские в Средней Азии и Прибалтике чувствовали свое отличие от русских в России в советское время, долгие годы не имел явных последствий. Однако «с распадом СССР ситуация кардинально переменилась. Последовавшие за ним социально-политические катаклизмы, коренное изменение экономических условий, массовые миграции и пр. стали для русскоязычных сильным стимулом к *более глубокому и осмысленному осознанию своей "самости"*»⁴².

В нашем опросе, проводившемся в Латвии и Казахстане в 1997 году, мы также спрашивали: «Русские в [вашей стране] отличаются от русских в России?». Общие цифры для обеих стран отображены в Рисунке 1.

⁴¹ Ibid.

⁴² Космарская. «Дети империи». С. 405. Курсив в оригинале.

Рисунок 1. Отличие в восприятии русских в республиках и России, в процентах.

Как мы видим, более двух третей респондентов выбрали вариант «Значительно отличаются» или «В некоторой степени отличаются». Когда мы разбили эти цифры по этническому принципу, мы получили результаты, представленные в Таблицах 8 и 9.

Таблица 8. Отличаются ли русские в Казахстане от русских в России? Этнический расклад⁴³.

	Казахи	Русские	Украинцы	Немцы	Корейцы
Значительно	31.6	27.9	22.9	29.3	33.3
В некоторой степени	17.3	21.3	29.2	19.5	6.7
Не отличаются	26.9	33.0	25.0	19.5	20.0
Не знаю	24.2	17.8	22.9	31.7	40.0
Абсолютное число	376	409	48	41	15

⁴³ Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. P. 260.

Таблица 9. Отличаются ли русские в Латвии от русских в России? Этнический расклад⁴⁴.

	Латыши	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Евреи
Значительно	35.2	41.6	25.0	24.4	31.7	28.6
В некоторой степени	34.8	35.1	50.0	37.8	19.5	50.0
Не отличаются	8.7	11.1	25.0	22.2	19.5	21.4
Не знаю	21.3	12.2	0.0	15.6	29.3	0.0
Абсолютное число	549	296	16	45	41	14

В чем именно состоит предполагаемое отличие культуры местных русских? Мы предложили широкий спектр возможных ответов:

1. Более активные и энергичные.
2. Обладают более высокой культурой и имеют лучшее образование.
3. В большей степени разделяют интернационалистические взгляды.
4. Более трудолюбивые и прилежные.
5. Менее склонны к пьянству.
6. Более индивидуалистичные.
7. Реже втягиваются в конфликты.
8. Более открытые и общительные.
9. Более гостеприимные.
10. Более толерантны к взглядам и мнениям других людей.
11. Менее привязаны к национальным традициям и обычаям.

В Казахстане ответы казахов и русских были в высшей степени схожими. Однако в Латвии опрос показал несколько иные результаты, см. Таблицы 10 и 11.

Таблица 10. Предполагаемые характеристики русской культуры в Казахстане. Казахский и русский рейтинг. 1 – «полностью согласен», 4 – «полностью не согласен»⁴⁵.

Казахи		Русские	
В большей степени разделяют интернационалистические взгляды	1.8	В большей степени разделяют интернационалистические взгляды	1.7
Более трудолюбивые и прилежные	1.8	Более гостеприимные	1.7

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. P. 262-263.

Более открытые и общительные	1.9	Более толерантные	1.7
Более активные и энергичные	2.0	Более трудолюбивые и прилежные	1.8
Обладают более высокой культурой и имеют лучшее образование	2.0	Более открытые и общительные	1.8
Реже втягиваются в конфликты	2.0	Реже втягиваются в конфликты	2.1
Более гостеприимные	2.0	Менее склонны к пьянству	2.1
Более толерантные	2.0	Менее привязаны к традициям	2.1
Менее склонны к пьянству	2.2	Более активные и энергичные	2.2
Менее привязаны к традициям	2.2	Обладают более высокой культурой и имеют лучшее образование	2.2
Более индивидуалистичные	2.4	Более индивидуалистичные	2.6

Таблица 11. Предполагаемые характеристики русской культуры в Латвии. Латвийский и русский рейтинг. 1 – «полностью согласен», 4 – «полностью не согласен»⁴⁶.

Латыши		Русские	
Более активные и энергичные	2.07	Более толерантные	1.87
В большей степени разделяют интернационалистические взгляды	2.32	Более трудолюбивые и прилежные	1.96
Более открытые и общительные	2.39	Обладают более высокой культурой и имеют лучшее образование	1.96
Менее привязаны к традициям	2.43	Более активные и энергичные	2.12
Более трудолюбивые и прилежные	2.58	Реже втягиваются в конфликты	2.12
Более гостеприимные	2.63	Более гостеприимные	2.14
Более индивидуалистичные	2.64	Более открытые и общительные	2.25
Обладают более высокой культурой и имеют лучшее образование	2.69	Менее привязаны к традициям	2.37
Более толерантные	2.84	В большей степени разделяют интернационалистические взгляды	2.39
Реже втягиваются в конфликты	2.91	Более индивидуалистичные	2.61
Менее склонны к пьянству	3.06	Менее склонны к пьянству	2.65

⁴⁶ Ibid.

Этнические латыши видели меньше различий между русскими в России и русскими в Латвии. Они в меньшей степени ставили местным русским в заслугу большее прилежание, гостеприимность, индивидуализм и культуру по сравнению с русскими в России, и они никоим образом не считали, что «их» русские были более культурными, толерантными и воздержанными или менее конфликтными, чем другие русские. Итак, мы можем сделать вывод, что в обеих странах местные русские полагали, что они не только отличаются от русских в России, но и лучше их, но только в Казахстане это самовосприятие в значительной степени соотносилось с восприятием русских со стороны титульного населения.

В своем исследовании культурной адаптации русских переселенцев из стран СНГ к России Валентина Гриценко обнаружила, что как сами переселенцы, так и население того российского региона, в котором они селились, проводили четкие различия между старожилами и новоприбывшими. «Для переселенцев русской национальности, казалось бы, является абсурдным считать русскую среду инокультурным окружением. Но в данном случае, скорее всего, речь идет о наличии определенной социокультурной дистанции между русскими-местными и русскими-приезжими из постсоветских государств, обусловленной аккультурацией последних к культуре титульных этносов этих государств»⁴⁷.

Гриценко обнаружила, что в российских регионах негативная оценка новоприбывших со стороны коренных русских превышала позитивную оценку в соотношении 50 к 32. Русские мигранты отвечали взаимностью на такое критическое отношение: когда новоприбывшие русские описывали местных русских, среди которых они теперь жили, то негативные оценки в три раза преобладали над позитивными. Довольно неожиданным для Гриценко было то, что, когда русских мигрантов просили описать нерусских, проживавших в республиках, из которых они уехали, то они были склонны относиться к ним с большим уважением, чем к русским в России. Позитивные стереотипные мнения о титульной нации, в среде которой они ранее проживали, преобладали над негативными в соотношении 70 к 18⁴⁸.

Важным фактором, который способствует процессу разобщения русских в республиках от центральной русской группы, является постепенное слияние различных не-титульных, постсоветских диаспоральных групп. Не только русские, но и другие славяне, такие как украинцы, белорусы и поляки, проживают в тех же новых государствах и даже в тех же окрестностях. Эти люди обладают в целом таким же образовательным и социальным капиталом, как и местные русские, общаются с последними и вступают с ними в брак. Даже если некоторые представители нерусских диаспор сохраняют в той или иной степени знание своего исторического языка, языком их повседневного общения является русский и в большинстве случаев их, как правило, включают в категорию «русскоязычные».

---

⁴⁷ Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из ближнего зарубежья в России. М., 1999. С. 56.

⁴⁸ Там же. С. 57.

В Средней Азии, где различие между «европейцами» и «азиатами» считается ярко выраженным, также и этнические немцы и даже волжские татары обычно включаются в общую русскоязычную категорию⁴⁹. В то же время, это этнокультурное слияние не было просто односторонним процессом, в рамках которого нерусские русскоязычные были поглощены своими русскими соседями. Представители нерусских диаспор добавили определенные нюансы в то, что становится новой русскоязычной палитрой⁵⁰.

Российский ученый Сергей Савоскул не считает – в отличие от меня – что русские в нерусских республиках в советское время сформировали ощущение отличия от русских в центре. По мнению Савоскула, в то время русские не были готовы стать диаспорой, потому что тогда в подобной идентичности отсутствовала всякая необходимость. Однако он полагает, что в новом этнополитическом контексте после развала Советского Союза ситуация радикально изменилась. В 2001 году Савоскул писал: «За [...] десять лет суверенного развития большинства постсоветских государств [этнополитическая ситуация] несколько ускорила процесс превращения русского населения стран нового зарубежья в новые русские диаспоры. За последние десять лет большинство русских в новом зарубежье убедилось, что за их спиной уже нет и не будет былой мощной метрополии. И у русского населения, твердо намеренного остаться в странах своего проживания, стали вырабатываться навыки "диаспорального" поведения и сознания»⁵¹.

Прежде чем завершить наш анализ, нам следует также рассмотреть последний вариант идентичности диаспоральных русских, а именно ассимиляцию. Многие русские, которые переехали в Западную Европу и Северную Америку в XX веке, утратили свою коллективную идентичность в качестве этнических русских за одно-два поколения. Они вступали в брак за пределами русского сообщества, забыли родной язык и в целом не только хорошо интегрировались в страну пребывания, но и были поглощены ею. Они считают себя уже не русскими, проживающими во Франции или США, но французами и американцами русского происхождения. В какой степени мы можем ожидать, что то же самое произойдет с русскими в «новом зарубежье»? Это главный исследовательский вопрос, лежащий в основе монументального труда Дэвида Лэйтина *Становление идентичности*⁵². Лэйтин соглашается с известным описанием Эрнста Геллнера процесса ассимиляции меньшинств в многонациональных государствах в городское общество⁵³. По мнению Геллнера, если даже некоторые крестьянские сыновья и дочери из национального меньшинства многоэтнического государства – которых он аллегорически называет «руританцами» – и станут руританскими национали-

⁴⁹ Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. P. 260. P. 29-40.

⁵⁰ Laitin D.D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, 1998.

⁵¹ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. С. 19.

⁵² Laitin. Identity in Formation.

⁵³ Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.

стами, большинство примет и усвоит господствующую культуру «Мегаломании».

«Но что произойдет в том случае, если распадется такое многонациональное государство, как СССР?», – спрашивает Лэйтин. Могут ли эти процессы быть повернуты вспять? Другими словами, могут ли мегаломанцы (т.е. русские) превратиться с руританцев и принять культуру бывшего меньшинства, которое теперь стало нациеобразующим народом нового государства? К данному интригующему вопросу Лэйтин подошел с целого ряда теоретических и эмпирических точек зрения и провел полевые исследования в четырех республиках – Эстонии, Латвии, Украине и Казахстане. Здесь я не буду разбирать его зачастую весьма сложные аргументы, а перейду сразу к выводам. Он полагает, что для Казахстана ответ будет отрицательным: социокультурная дистанция между русскоязычными и казахами слишком велика. Те русские, которые предпочтут не эмигрировать, будут по-прежнему жить в небольших изолированных сообществах. В Латвии и Эстонии ответ будет положительным: прибалтийские культуры являются столь престижными, а прибалтийский стандарт жизни – столь высоким, что это будет непреодолимо привлекательным для русских. Наконец, ответом для Украины будет консоциационализм, т.е. продолжение сосуществования двух высоких культур⁵⁴.

Представляется, что сейчас слишком рано выносить вердикт сценариям, предложенным Лэйтином. Если он прав, то это означает, что процессы адаптации русских, которые внезапно и неожиданно стали национальными меньшинствами в национализирующих нерусских государствах, проходят гораздо быстрее, чем предполагало большинство наблюдателей. Но даже если он неправ, мы можем с уверенностью заключить, что если сложится такая маловероятная ситуация и к власти в Москве придет ирредентистская партия с программой восстановления – в той или иной форме – распавшегося государства, то уровень поддержки данной политики будет весьма низким среди заброшенных русских сообществ в бывших советских республиках – тех, кого часто считают главными жертвами развала СССР.

Перевод с английского: Антон Шеховцов.

---

⁵⁴ Ibid. P. 353-361.